

Алекс Скай

НЕ ТА
НЕВЕСТА
ДЛЯ
ПРОКЛЯТОГО КНЯЗЯ

Алекс Скай

Не та невеста для проклятого князя

<https://litres.ru/74345704>

Аннотация

Я очнулась в чужом теле посреди зимней дороги — в карете, которая везла меня замуж.

Только жених был не мой. Имя — тоже. Настоящая невеста сбежала, а меня, бедную компаньонку, отправили вместо неё к северному князю Дарену Вейру — мужчине, которого весь двор называет проклятым.

Мне сказали молчать, улыбаться и играть чужую роль. Но северная дорога первой поняла правду: я не та, кого ему обещали.

Дарен мог бы выдать меня обратно тем, кто меня подставил. Мог бы наказать за обман. Мог бы использовать в своей политической игре. Вместо этого он предложил сделку.

Я должна стать его невестой до зимнего Совета.

Он — не отдаст меня врагам.

Но чем дольше я остаюсь в мрачном Вейрхольме, тем яснее понимаю: проклятие князя связано со мной сильнее, чем кажется. А древняя печать замка выбрала меня не случайно.

Я не та невеста.

Но, возможно, именно меня здесь ждали.

Содержание

Не та карета	4
Князь, которому нельзя лгать	43
Невеста без рода	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Не та карета

Первое, что я поняла: меня везут замуж.

Второе: я была против.

Третье пришло почти сразу, вместе с ударом плечом о деревянную стенку кареты, когда колёса снова попали в промёрзшую колею: тело, в котором я проснулась, не было моим.

Я распахнула глаза и увидела над собой не потолок спальни, не белую стену моей съёмной комнаты и не тусклый свет утреннего города за окном. Надо мной покачивалась крыша кареты, обитая потемневшей тканью, по углам которой дрожали крошечные ледяные кристаллы. Сквозь щели в дверце тянуло таким холодом, что дыхание сразу стало белым.

Я попыталась сесть — и едва не вскрикнула.

Не от раны. От чужого тела.

Слишком тонкие запястья. Слишком длинные волосы, упавшие на лицо тяжёлой тёмной волной. Корсет, сдавивший рёбра так, будто меня собирались не замуж выдавать, а упаковать для перевозки. На коленях — дорогое, но явно чужое платье цвета зимнего неба, расшитое серебряными нитями. В пальцах — смятый конверт с алой печатью.

Я уставилась на свою руку.

На безымянном пальце блесло кольцо.

Не обручальное. Скорее знак обещания. Холодный свет-

лый металл, внутри которого будто шевелилась тонкая синяя искра.

— Нет, — прошептала я. — Нет-нет-нет.

Карета качнулась сильнее, и напротив меня зашевелилась женщина в сером дорожном плаще. Седые волосы были спрятаны под чепцом, лицо сухое, строгое, глаза — внимательные и усталые. Она смотрела так, будто я не пришла в себя, а нарушила порядок, который все вокруг и без меня считали достаточно неприятным.

— Наконец-то, — произнесла она. — Миледи, вы снова забыли, что приличной невесте не следует разговаривать с собой перед встречей с женихом.

Я открыла рот.

Закрыла.

Снова открыла.

Миледи?

Невесте?

Женихом?

Мозг, видимо, решил, что всё это слишком сложно, и предложил самый простой вариант: я сплю. Очень странный, очень подробный и очень холодный сон. Сейчас я проснусь в своей кровати, телефон будет лежать под подушкой, за стеной снова кто-то будет сверлить с девяти утра, а я пообещаю себе больше никогда не засыпать под фэнтези-сериал.

Но тут карету тряхнуло так, что я ударилась локтем о деревянный подлокотник.

Было больно.

Сон, как назло, оказался крайне убедительным.

— Где я? — спросила я.

Женщина напротив нахмурилась.

— На дороге к Вейрхольму.

Название не сказалось мне ничего. Зато прозвучало так, будто хороших новостей там не ждали.

— Куда?

— К Вейрхольму, миледи. К северной крепости князя Дарена Вейра. Вы ведь не собираетесь снова изображать, будто не помните?

Снова.

Вот это слово мне совсем не понравилось.

Я медленно опустила взгляд на конверт в своих руках. Печать была треснувшей, но рисунок ещё угадывался: чёрная башня, над ней — полумесяц и три острых луча, похожих то ли на копья, то ли на когти. На лицевой стороне стояло имя, написанное изящным, уверенным почерком:

Леди Виола Эйрдан. Невеста князя Дарена Вейра.

Я прочитала.

Потом ещё раз.

Потом очень захотела выбросить конверт в окно и сделать вид, что у нас всех коллективное недоразумение.

— Я не Виола, — сказала я.

Женщина напротив закрыла глаза, как человек, у которого закончились силы на чужие выходки.

— Миледи, мы уже обсуждали это до переправы.

— Нет, — выдохнула я. — Вы не понимаете. Я правда не Виола.

— Разумеется. — Она открыла глаза. — Вы Лиана Морр, компаньонка леди Виолы, которую по воле рода Эйрдан сегодня должны принять под её именем, потому что настоящая леди Виола сбежала за три часа до выезда.

Мир на секунду стал предельно ясным.

Настолько ясным, что захотелось обратно в непонимание.

— Что? — спросила я.

Женщина наклонилась ближе. В её глазах мелькнуло не раздражение уже. Страх.

— Тише.

— Я хочу услышать ещё раз.

— Нет, миледи. Вы хотите выжить. А для этого вам следует перестать задавать вопросы там, где есть уши.

Я оглянулась.

В карете нас было двое, но за стенками слышались голоса мужчин, скрип упряжи, звон металла, фыркание лошадей. Снаружи ехал небольшой отряд. Сопровождение. Охрана. Или конвой — это зависело от того, насколько честно смотреть на происходящее.

Я снова посмотрела на свои руки.

Лиана Морр.

Компаньонка.

Не Виола.

Не невеста.

И уж точно не та женщина, которая вчера вечером, если «вчера» вообще ещё существовало, сидела на полу своей кухни, ела холодную гречку из контейнера и думала, что хуже недели уже быть не может.

Вселенная, как оказалось, воспринимала такие мысли как вызов.

— Как вас зовут? — спросила я женщину.

Она прищурилась.

— Миледи.

— Пожалуйста.

Слово вырвалось само. Слишком человеческое для этой холодной кареты, чужого платья и кольца, в котором мерцала незнакомая магия.

Женщина помолчала.

— Марта.

— Марта, — повторила я. — Что со мной случилось?

— Вы слишком сильно ударились головой, когда пытались выйти из кареты на заставе, — сказала она после паузы. — Или слишком хорошо притворяетесь.

— Я пыталась выйти?

— Вы пытались сбежать.

Что ж.

У Лианы Морр был вкус к разумным решениям.

— И не получилось?

— Как видите.

Я провела ладонью по виску. Волосы мешали, шпильки царапали кожу, но я не нащупала ничего страшного. Только лёгкую припухлость сбоку и пульсирующую тяжесть. В голове действительно шумело, но не так, как после удара. Скорее так, будто туда насильно засунули чужие воспоминания и теперь они не знали, как улечься.

Комната с низким потолком.

Девушка в роскошном платье мечется у зеркала.

— Я не поеду к проклятому князю! Пусть отец сам выходит за это чудовище, если ему так нужен союз!

Мужской голос за дверью:

— Карета должна выехать до рассвета. Совет не станет ждать.

Потом — боль в пальцах, когда кто-то силой надевает кольцо.

— У неё похожий рост. В дороге никто не заметит. В замке будет поздно.

Женский плач.

Не мой.

Но тело помнило.

Я резко втянула воздух.

— Они меня подставили, — сказала я.

Марта отвела взгляд.

Вот и ответ.

— Род Эйрдан не может сорвать договор с севером, — проговорила она. — После исчезновения леди Виолы нужно

было доставить в Вейрхольм невесту. Хотя какую.

— Хотя какую? — повторила я. — Как мешок муки?

— Мешок муки ценится выше, когда зимой перевалы закрыты, — сухо сказала Марта.

Я уставилась на неё.

Она устало выдохнула.

— Простите. Это была неуместная попытка пошутить.

— У вас тут с юмором так же плохо, как с брачными обычаями?

Марта посмотрела на меня уже внимательнее.

— Это вы зря.

— Что?

— Такой тон. Лиана Морр обычно говорила тише.

— Обычно Лиану Морр не отправляли замуж вместо сбежавшей госпожи.

— Отправляли.

Я замолчала.

Снаружи завыл ветер. Карета продолжала ползти по дороге, уходящей неизвестно куда. Лошади тяжело ступали по снегу, колёса скрипели, и каждый звук напоминал: меня везут дальше. Не спрашивая. Не объясняя. В чужом теле, под чужим именем, к чужому мужчине, которого Марта только что назвала проклятым.

Я сжала конверт.

— Что будет, если я скажу князю правду?

Марта побледнела.

— Не вздумайте.

— Почему?

— Потому что князь Дарен Вейр не терпит обмана.

— Тогда ему, возможно, стоит начать с рода Эйрдан.

— Он начнёт с той, кто окажется перед ним.

Внутри похолодело сильнее, чем от сквозняка.

— То есть со мной.

— Да.

— А если я вернусь?

Марта посмотрела на окно, за которым бежали серые стволы деревьев.

— Вас обвинят в краже имени, подделке бумаг и попытке сорвать договор. Род Эйрдан скажет, что вы сами заняли место леди Виолы из жадности или зависти. Вам не поверят.

— А вы?

— Я служу дому Эйрдан.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, с которым я могу прожить.

Горло сжалось.

Вот как.

Даже эта женщина, которая сидела напротив и знала правду, уже заранее отказалась быть моим спасением. Не из жестокости, может быть. Из страха. Из привычки. Из того самого «я служу», которым люди оправдывают всё, на что потом стараются не смотреть.

Я отвернулась к окну.

За мутным стеклом тянулся лес. Зимний, густой, почти чёрный. Снег лежал на ветвях тяжёлыми шапками, небо висело низко, словно его прибили к верхушкам елей. Дорога была узкой, пустой, и чем дальше мы ехали, тем меньше оставалось следов чужих саней. Север. Настоящий, мрачный, без открыток и уютных домиков с дымком над трубой.

Здесь не пахло сказкой.

Здесь пахло ловушкой.

Я попыталась собрать мысли в ровную цепочку.

Итак.

Я попала в тело девушки по имени Лиана Морр. Бедной компаньонки леди Виолы Эйрдан. Настоящая Виола сбежала, не желая выходить за северного князя. Род Эйрдан решил не терять политический союз и отправил вместо неё Лиану, переодев, снабдив бумагами и, видимо, рассчитывая, что в Вейрхольме это как-нибудь проглотят.

Прекрасно.

У меня не было денег, союзников, знаний о мире и даже уверенности, что я смогу нормально поклониться, если здесь вдруг поклоняются по особым правилам.

Зато у меня была чужая помолвка, подозрительное кольцо и жених, который, по словам Марты, не терпит обмана.

— Отличный день, — пробормотала я.

— Что?

— Говорю, как хорошо, что я не успела позавтракать. Иначе драматический переезд был бы ещё сложнее.

Марта нахмурилась.

— Вы странная.

— Я в теле девушки, которую везут вместо сбежавшей невесты к проклятому князю. Странность — самое скромное, что можно обо мне сказать.

Она резко подняла руку к губам.

— Не произносите это слово.

— Какое?

— Проклятый.

Я села прямее, насколько позволял корсет.

— Значит, это правда?

Марта посмотрела на дверь кареты, будто ожидала, что она сейчас распахнётся и оттуда появится сам северный князь, оскорблённый моей наглостью на расстоянии нескольких часов пути.

— О роде Вейров говорят многое.

— Обычно так начинают фразы, в которых хотят скрыть самое интересное.

— Самое интересное убивает быстрее всего.

— Марта.

Она вздохнула.

— Вейры правят севером больше трёхсот лет. Их крепость стоит у Чёрного перевала, где заканчиваются земли Совета и начинаются ледяные пустоши. Старые договоры говорят, что пока в роду Вейров есть наследник, северные границы держатся. Но вместе с властью они наследуют печать.

— Печать?

— Родовой знак. Магию. Проклятие. Называйте как хотите, только не вслух.

— Что оно делает?

— Никто не знает точно.

— Очень успокаивает.

— Знают только, что князь Дарен носит его сильнее всех за последние поколения. При нём в замке гаснут огни, когда он гневается. Люди слышат голоса в стенах. Старые клятвы просыпаются. Те, кто лжёт ему в лицо, потом жалеют.

Я нервно усмехнулась.

— Прекрасно. Именно ему и везут поддельную невесту.

— Именно поэтому род Эйрдан выбрал вас.

— Потому что Лиана похожа на Виолу?

— Достаточно для дороги. А в замке... — Марта замаялась.

— Что в замке?

— В замке все будут смотреть на договоры, печати и выгоду. Если князю нужен союз, он может закрыть глаза на многое.

— А если не закроет?

Марта не ответила.

И снова это было ответом.

Я откинулась на спинку, стараясь дышать ровнее. Корсет мешал, сердце билось слишком быстро, пальцы озябли, хотя я сжимала их в кулаки. В голове вспыхивали обрывки чужой

памяти.

Лиана стоит за спиной Виолы и держит шкатулку с украшениями.

Виола смеётся:

— Если бы не твои глаза, Лиана, тебя можно было бы принять за мою тень.

Лиана молчит.

Виола наклоняется ближе:

— Впрочем, тени не выходят замуж. Даже если очень хотят.

Другой обрывок.

Мужчина с перстнем дома Эйрдан говорит:

— У компаньонки нет выбора. У рода — есть.

Потом кольцо.

Платье.

Карета.

Побег, который не удался.

И я.

Где-то между ударом головой и этой дорогой я оказалась внутри чужой беды.

Но беда, как выяснилось, не спрашивает, чья она. Если она уже сидит рядом с тобой в карете, выбора немного: либо выпрыгивать на ходу в снег, либо учиться держать спину.

Я посмотрела на Марту.

— Что я должна знать о Виоле?

— Что?

— Если мне придётся дожить до разговора с князем, я должна хотя бы понимать, чьё имя написано на моих документах.

Марта изучала меня несколько секунд.

— Вы больше не пытаетесь кричать, что всё ошибка?

— Это всё ещё ошибка. Просто кричать на неё бесполезно.

— Леди Виола Эйрдан, единственная дочь лорда Грегора Эйрдана. Двадцать лет. Воспитана при южном дворе. Капризна.

— Это официальная характеристика?

— Самая мягкая.

— Продолжайте.

— Она должна была стать невестой князя Вейра по договору, заключённому между севером и домом Эйрдан. Её семья получает защиту торгового пути через перевал. Князь получает поддержку южных домов на зимнем Совете.

— Любви в списке не было?

Марта посмотрела на меня почти с жалостью.

— В таких браках любовь считается излишним риском.

— Удобно.

— Для тех, кто их заключает, да.

— А Лиана?

Марта помолчала.

— Лиана Морр. Сирота из обедневшей ветви служилого рода. Родители умерли давно. Вас взяли в дом Эйрдан как

компаньонку леди Виолы. Вы читали ей вслух, писали письма под диктовку, сопровождали на приёмы, следили за её гардеробом, иногда вели счета мелких расходов.

— То есть была удобной?

— Была незаметной.

Почему-то это слово попало большее, чем должно было. Незаметной.

Я тоже когда-то умела быть незаметной. В своём мире. На работе, где идеи начальника всегда были «стратегическим видением», а мои предложения — «интересными, но пока сырыми». В отношениях, где мне говорили: «Ты слишком остро реагируешь», пока я не научилась реагировать внутрь. В жизни, где удобство часто выдавали за доброту.

Может быть, поэтому чужое тело не казалось совсем чужим.

В нём уже жила привычка молчать.

А я слишком устала от таких привычек.

— Что ждёт Лиану, если обман раскроется? — спросила я.

Марта отвела глаза.

— Это решит князь.

— А род Эйрдан?

— Будет отрицать всё.

— Конечно.

— Миледи...

— Не называйте меня так.

— Сейчас вы должны откликаться на это.

— Должна — ужасное слово.

— Но живое.

Тут она была права.

Карета начала замедляться.

Снаружи слышались мужские голоса. Один из сопровождающих подъехал ближе и постучал по дверце.

— До пограничного поста четверть часа! Дальше дорога пойдёт вверх. Пусть леди приготовится, Вейрхольм уже послал встречный дозор.

Марта выпрямилась.

— Слышите? После поста вам нельзя ошибаться.

— Слишком поздно. Моё существование уже ошибка в трёх экземплярах и с печатью.

— Лиана.

Она впервые назвала меня моим — чужим — именем без титула.

Я посмотрела на неё.

— Если вы хотите прожить эту ночь, слушайте. Не говорите больше, чем нужно. Не спорьте с князем при свидетелях. Не называйте себя Лианой. Не снимайте кольцо. Не отдавайте документы никому, кроме самого Дарена Вейра. И ни при каких обстоятельствах не позволяйте людям дома Эйрдан остаться с вами наедине после передачи.

Я насторожилась.

— Почему?

— Потому что если князь вас примет, вы станете опасным доказательством.

— Для кого?

— Для тех, кто вас отправил.

Холод, и без того живший в карете, будто стал плотнее.

— Вы знали это с самого начала.

— Да.

— И всё равно едете со мной.

— Меня отправили проследить, чтобы вы доехали.

— А потом?

Марта долго смотрела на меня.

— А потом я надеюсь уехать раньше, чем всем нам придётся платить за чужое решение.

Я хотела разозлиться. Сказать ей, что она такая же часть этой мерзкой схемы, как те, кто запихнул Лиану в платье Виолы. Но увидела её руки — сухие, сцепленные до белых костяшек. Марта тоже боялась. Просто её страх был старше моего и лучше выдрессирован.

— Вы могли бы помочь мне, — сказала я.

— Я помогаю.

— Предупреждениями?

— Иногда предупреждение — единственное, что может дать человек без власти.

— А если я попрошу большего?

Она закрыла глаза на секунду.

— Тогда я скажу, что у меня есть внучка в доме Эйрдан.

И лорд Грегор знает её имя.

Я замолчала.

Вот как строятся такие ловушки: одного держат страхом за себя, другого — за близких, третьего — за клятву, четвёртого — за кусок хлеба. А потом все вместе делают вид, что выбора не было.

Карета остановилась.

Дверца распахнулась, и внутрь ворвался снег.

На пороге появился мужчина в дорожном плаще, с мечом у бедра и лицом, на котором было написано: он предпочёл бы сопровождать мешки с зерном, потому что те хотя бы не падают в обморок и не пытаются сбежать.

— Миледи, — сказал он, почти не глядя на меня. — Пограничный пост. Нужно показать кольцо и документы.

Я сжала конверт.

Марта едва заметно кивнула.

Я поднялась.

Ноги затекли и дрожали, но я заставила себя не хвататься за стены. Если меня уже везут на продажу под видом невесты, пусть хотя бы не видят, как я спотыкаюсь на первом же шаге.

Снаружи ударил холод.

Он был не просто зимним. Он был северным — острым, чистым, злым. Воздух обжёг лицо, снег скрипнул под тонкими дорожными туфлями, и я тут же пожалела, что в этом мире не изобрели нормальную обувь для женщин, которых

внезапно продают в политический брак.

Мы стояли на узкой дороге перед каменным постом. С одной стороны темнел лес, с другой начинался подъём к горам. Над воротами поста висел флаг с чёрной башней и полумесяцем. Тот же знак, что на печати конверта.

Только здесь он выглядел не рисунком.

Предупреждением.

У ворот ждали трое всадников.

Не наши.

Я поняла это сразу по тому, как изменились сопровождающие. Люди Эйрдана подтянулись, перестали переговариваться, один даже поправил воротник, будто от этого мог стать достойнее. Северяне сидели на конях неподвижно. Тёмные плащи, меховые накидки, серебряные застёжки в форме острого крыла. Лица открытые, суровые, обветренные.

Их старший, мужчина лет сорока с короткой бородой и внимательными серыми глазами, спешил и подошёл ко мне.

— Леди Виола Эйрдан?

Имя ударило по ушам.

Я заставила себя не оглянуться.

— Да, — сказала я.

Ложь вышла хрипло.

Кольцо на пальце вдруг похолодело так сильно, что кожа занемела.

Северянин опустил взгляд на мою руку.

— Кольцо.

Я протянула ладонь.

Он не прикоснулся. Просто поднёс к кольцу маленькую пластину из тёмного металла. Синяя искра внутри обода вспыхнула ярче, затем погасла.

Мужчина нахмурился.

— Печать принята.

Я выдохнула слишком заметно.

Он посмотрел на меня.

— Вам дурно после дороги?

— Мне многое после дороги, — сказала я раньше, чем успела подумать.

Марта за моей спиной тихо втянула воздух.

Северянин пару секунд изучал меня, потом неожиданно в уголках его глаз мелькнуло что-то похожее на насмешку.

— Северная дорога редко делает невест счастливее.

— Значит, она честнее южных.

Теперь уже один из сопровождающих Эйрдана кашлянул так, будто подавился собственной паникой.

Северянин приподнял бровь.

— Интересное начало, леди Виола.

— День располагает.

— Меня зовут Ровен. Я служу князю Вейру. От этого поста вы переходите под защиту северного дома.

Защиту.

Слово прозвучало почти смешно.

— А мои сопровождающие?

— Доставят документы в крепость и разместятся в нижнем дворе до решения князя.

Марта едва заметно напряглась.

Я вспомнила её предупреждение: не позволять людям Эйрдана оставаться со мной наедине после передачи.

Ровен снова посмотрел на меня.

— Ваши документы.

Я протянула конверт.

Он взял его, проверил печать, но не вскрыл.

— Князь откроет сам.

— Он уже ждёт?

— Князь Вейр редко ждёт. Обычно это делают остальные.

— Очаровательно.

Ровен посмотрел на меня дольше.

— Вам советовали не говорить лишнего?

— Несколько раз.

— Плохой советчик?

— Пока проверяю.

Он чуть склонил голову, будто принял к сведению, затем повернулся к своим.

— Едем.

Меня снова посадили в карету, но теперь рядом с нами ехали северяне. И дорога изменилась. Лес стал гуще, подъём круче, снег глубже. Карета двигалась медленнее, колёса

вязли, лошади фыркали, где-то далеко между горами перекликались птицы или что-то очень похожее на птиц, если не прислушиваться слишком внимательно.

Марта молчала.

Я тоже.

После пограничного поста всё стало реальнее. До этого можно было держаться за мысль, что где-то есть путь назад: к заставе, к людям Эйрдана, к объяснению, к бегству. Теперь дорога позади словно закрылась. Меня передали северу, как посылку с сомнительным содержимым.

И север принял печать.

Не меня.

Печать.

Кольцо на пальце согрелось, но неприятное ощущение осталось. Я подняла руку к глазам. Синий огонёк внутри металла был почти незаметен. Если не знать, можно было принять его за игру света.

— Что это за кольцо? — спросила я.

Марта вздрогнула, будто не ожидала, что я снова заговорю.

— Знак брачного договора.

— Оно проверяет личность?

— Нет. Оно признаёт, что носитель доставлен по договору.

— То есть ему всё равно, кто я?

— Кольцу — да.

— Прекрасный символ брака.

— В политических союзах символы редко бывают романтическими.

Я устало закрыла глаза.

Передо мной снова вспыхнули обрывки памяти Лианы.

Виола сидит у зеркала, а Лиана закалывает ей волосы.

— Говорят, у Вейра глаза как лёд, — говорит Виола. — И сердце такое же. Его первая невеста отказалась после одного письма.

Лиана молчит.

— Ты бы, наверное, пошла, если бы тебя позвали, — смеётся Виола. — Ты же у нас благодарная. Скажут выйти за чудовище — поклонишься и спросишь, какой фатой прикрыть шею.

Воспоминание оборвалось.

Я открыла глаза.

— Виола была жестокой? — спросила я.

Марта не стала притворяться, будто не поняла.

— Леди Виола была воспитана в уверенности, что мир существует для неё.

— Значит, да.

— Иногда жестокость — не злоба, а отсутствие привычки видеть перед собой людей.

— От этого тем, кого не видят, не легче.

Марта посмотрела на меня странно.

— Вы правда не та, что была утром.

Слова повисли между нами.

Я слишком поздно поняла, что для неё это не фигура речи.

Марта наклонилась ближе.

— Кто вы?

Холод пробежал по спине, но теперь уже не от ветра.

Я могла соврать. Должна была. Но что сказать? Что я всё та же Лиана, только после удара вдруг решила стать остроумнее? Что страх превратил компаньонку в философа? Что мне приснился другой мир с телефонами, лифтами и бухгалтерией, а теперь я просто немного не в себе?

Правда была невозможнее любой лжи.

— Та, кому тоже не дали выбора, — сказала я.

Марта долго смотрела мне в глаза.

Потом откинулась назад.

— С этим здесь многие родятся.

— А умирают?

— Те, кто не учится выбирать хотя бы между плохим и худшим.

— Вы удивительно мрачный человек.

— Мы едем в Вейрхольм.

— Это всё объясняет?

— Почти.

Карета вдруг резко остановилась.

Снаружи слышались крики.

Я схватилась за сиденье.

— Что там?

Марта побледнела.

В следующую секунду раздался металлический звон, потом ржание лошадей, чей-то резкий приказ. Дверца кареты распахнулась, и внутрь заглянул Ровен.

— Не выходить.

Разумеется, именно после такой фразы любой нормальный человек хочет выглянуть.

Я не была нормальной последние несколько часов, но любопытство у меня сохранилось.

— Что случилось?

— Дорога перекрыта.

— Кем?

Он посмотрел на меня так, будто оценивал, способна ли невеста сохранить сознание при ответе.

— Не кем. Чем.

И захлопнул дверцу.

Марта прошептала что-то, похожее на молитву.

— Нет.

— Что «нет»?

Она не ответила.

Я подалась к окну и протёрла замёрзшее стекло рукавом.

Сначала увидела только снег. Потом — лошадей, вставших дыбом. Северян с мечами. Наших сопровождающих, которые явно мечтали оказаться где-нибудь южнее, желательно в другой жизни.

А потом увидела дорогу.

Вернее, то, что лежало поперёк неё.

Чёрная трещина рассекала снег от края леса до обрыва. Не овраг, не провал. Слишком ровная, слишком тёмная. Из неё поднимался пар, хотя вокруг был мороз. По краям снег не таял, а будто серел и становился пеплом.

Трещина дышала.

Я отпрянула.

— Что это?

Марта схватила меня за запястье.

— Не смотрите долго.

— Почему?

— Потому что старые печати любят, когда их замечают.

Отлично.

В этом мире даже дорожные неприятности были с характером.

Снаружи Ровен отдавал приказы. Один из северян подъехал ближе к трещине, но конь заупряился. Ветер усилился, хотя деревья не двигались. У меня заложило уши.

И вдруг кольцо на пальце вспыхнуло.

Синяя искра внутри металла стала яркой, почти болезненной. По коже побежали мурашки. Не холодные. Живые. Будто что-то древнее, сонное, тяжёлое открыло один глаз и посмотрело прямо на меня.

— Марта, — сказала я, не узнавая своего голоса.

Она увидела кольцо и побелела.

— Спрячьте руку.

Поздно.

Дверца распахнулась снова.

Ровен смотрел на мою ладонь.

— Леди, выйдите.

— Вы же сказали не выходить.

— Ситуация изменилась.

— У вас тут все так любят противоречить себе?

— Только когда дорога решает проверить невесту князя.

Потрясающе.

Дорога.

Решает.

Проверить.

Невесту.

Я хотела сказать, что у дороги завышенные полномочия, но по лицу Ровена поняла: шутить сейчас можно, но недолго.

Марта шепнула:

— Не отходите от кареты.

Я вышла.

Снег под ногами хрустнул. Воздух вокруг трещины был странным — густым, напряжённым, как перед грозой, только небо оставалось глухим и белым. Северяне смотрели на меня уже не как на невесту из южного дома.

Как на возможную проблему.

Которой я и была, если честно.

— Что нужно делать? — спросила я у Ровена.

— Ничего. Просто стойте.

— Это мой любимый вид участия.

Он не улыбнулся.

Кольцо горело на пальце. Свет от него тянулся тонкой нитью к трещине. Я хотела спрятать руку, но не смогла. Пальцы не слушались.

В голове прозвучал шёпот.

Не голосом.

Ощущением.

Не та.

Я вздрогнула.

Ровен резко шагнул ко мне.

— Что?

— Ничего.

Не та.

На этот раз слова будто прошли по костям.

Я сглотнула.

— Кажется, дорога со мной не согласна.

— О чём вы?

Я посмотрела на трещину.

— Она знает.

Ровен побледнел. Совсем чуть-чуть, но я заметила.

— Что знает?

Я могла промолчать.

Марта у кареты смотрела на меня с ужасом. Сопровождающие Эйрдана — с паникой. Северяне — с готовностью вы-

тащить мечи уже не против трещины, а против меня.

Но эта странная тёмная линия на дороге знала то, что все вокруг пытались скрыть.

И если я продолжу лгать сейчас, может быть, северная магия решит высказать своё мнение более убедительно.

— Что я не та, кого вам обещали, — сказала я тихо.

Ровен замер.

Ветер исчез.

Снег перестал падать.

Даже лошади, кажется, перестали дышать.

Потом трещина закрылась.

Не сразу. Медленно. С глухим каменным стоном, будто две половины дороги нехотя срастались обратно. Чёрный пар втянулся в землю, снег снова стал белым, а кольцо на моём пальце погасло так резко, что я едва не пошатнулась.

Ровен поймал меня за локоть.

Осторожно.

Не как пленницу. Но и не как гостью.

— Слова имеют цену на северной дороге, леди.

— Я уже поняла, что здесь всё имеет цену.

— Вы только что признались в обмане.

— Нет. Я призналась, что меня обманули первой.

Он смотрел на меня долго.

— Князю это не понравится.

— У меня для князя вообще мало приятных новостей.

— Тогда советую выбрать порядок, в котором вы будете

их сообщать.

— Сначала то, что я не Виола. Потом то, что я не собираюсь умирать за ложь Эйрданов.

Ровен неожиданно усмехнулся.

— Для южной компаньонки вы странно говорите.

— Плохая дорога раскрывает таланты.

Он отпустил мой локоть.

— В карету.

— Вы расскажете князю?

— Князь сам спросит.

— А если не спросит?

Ровен посмотрел в сторону гор. Там, за снежной пеленой, уже угадывались чёрные зубцы стен.

— Дарен Вейр всегда спрашивает то, чего люди боятся услышать.

Когда я вернулась в карету, Марта сидела очень прямо.

— Вы погубили себя, — сказала она.

Я опустилась напротив.

— Возможно.

— Зачем вы сказали?

— Потому что дорога уже знала.

— Дорога не свидетель.

— Зато, кажется, хороший детектор лжи.

— Не произносите таких странных слов.

— Простите. Нервничаю культурно не по-вашему.

Марта закрыла лицо руками.

Я впервые увидела в ней не строгую служанку дома Эйрдан, а уставшую женщину, которая понимала: всё выходит из-под контроля. И, может быть, часть её даже радовалась этому. Глубоко. Тихо. Там, куда страх ещё не добрался.

— Теперь князь убьёт нас всех, — сказала она.

— Не думаю.

Она подняла голову.

— Почему?

— Потому что если бы хотел, дорога могла бы начать.

Марта смотрела на меня так, будто я сказала что-то безумное.

Возможно, так и было.

Но внутри, странным образом, стало спокойнее.

Я не знала этого мира. Не знала правил. Не понимала магию, политику, родовые печати и северные обряды. Но одну вещь поняла точно: ложь здесь не была безопасным укрытием. Она была сухой веткой над пропастью.

А я не собиралась держаться за неё только потому, что другого моста пока не видела.

Дорога пошла вверх.

Вейрхольм появился внезапно.

Сначала из снеговой мглы вынырнули башни — чёрные, высокие, узкие, будто выросшие прямо из горного хребта. Потом стены, уходящие по скале в обе стороны. Потом ворота, настолько огромные, что даже наша карета под ними показалась игрушкой. Над воротами висел знак Вейров: баш-

ня, полумесяц и три луча. Но в камне он выглядел иначе. Живее. Острее.

Крепость не была красивой.

Она была величественной.

Такой, перед которой не хочется восхищаться. Хочется проверить, есть ли путь назад.

Его не было.

Когда ворота открылись, звук прокатился по горам, как далёкий гром. Карета въехала во внутренний двор, и я увидела людей. Много людей. Слуги, воины, несколько женщин в тёмных платьях, мужчины в меховых плащах, мальчишка-конюх, который тут же получил подзатыльник от старшего за то, что слишком откровенно разглядывал невесту князя.

Все смотрели.

Конечно.

Я сжала пальцы.

— Помните, — прошептала Марта. — Говорите меньше.

— У меня ощущение, что этот совет уже опоздал.

Карета остановилась.

Дверцу открыли.

На этот раз руку мне подал не сопровождающий Эйрдана, а Ровен. Я приняла помощь, вышла и сразу почувствовала: двор замер.

Не из-за меня.

Из-за того, кто стоял на верхних ступенях у входа в кре-

пость.

Князь Дарен Вейр.

Я поняла это до того, как кто-то произнёс его имя.

Высокий, широкоплечий, в чёрном камзоле без лишних украшений, с тёмным плащом, подбитым серебристым мехом. Волосы — почти чёрные, коротко перехвачены на затылке. Лицо — резкое, красивое не мягкой красотой южных портретов, а той, что заставляет смотреть осторожно. Скулы, прямой нос, губы, которые будто давно забыли, как улыбаются без причины.

И глаза.

Не ледяные, как говорила Виола в чужой памяти.

Серые.

Глубокие.

Такие, в которых холод был не отсутствием чувства, а его охраной.

Он смотрел на меня.

Не на платье. Не на кольцо. Не на конверт в руках Ровена.

На меня.

И я вдруг поняла: все мои заготовленные фразы, вся едкая храбрость, все попытки держаться за юмор как за край стола — всё это может рассыпаться от одного его взгляда.

Дарен спустился на несколько ступеней.

Во дворе никто не говорил.

Ровен подошёл к нему, поклонился и протянул конверт.

— Князь. Невеста доставлена. Печать договора принята

на посту.

Дарен не взял письмо сразу.

— На посту? — спросил он.

Голос был низкий, спокойный и опасно ровный.

— Северная дорога проверила кольцо, — сказал Ровен.

По двору прошёл едва слышный шёпот.

Дарен медленно перевёл взгляд на мою руку.

Кольцо молчало.

Я очень ему завидовала.

— И? — спросил князь.

Ровен помолчал.

— Дорога пропустила её после признания.

Дарен наконец взял конверт.

— Какого признания?

Вот и всё.

Момент, когда можно было попытаться спрятаться за чужим именем ещё на несколько минут, умер прямо у моих ног.

Я сделала шаг вперёд.

Марта сзади тихо выдохнула:

— Не надо.

Но я уже устала делать то, что надо тем, кто меня не спрашивал.

— Я не леди Виола Эйрдан, — сказала я.

На дворе стало так тихо, что снег, падающий с края крыши, прозвучал как удар.

Дарен не изменился в лице.

Это было хуже, чем гнев.

Он просто смотрел.

— Кто вы?

— Лиана Морр. Её компаньонка.

— Почему вы носите кольцо договора?

— Потому что леди Виола сбежала, а её род решил, что компаньонка достаточно похожа, чтобы доехать вместо неё.

Где-то в толпе ахнула женщина.

Один из сопровождающих Эйрдана резко шагнул вперёд.

— Князь, это ложь! Девушка не в себе после дороги. Леди Виола просто...

Дарен поднял руку.

Мужчина замолчал мгновенно.

Не потому, что его перебили.

Потому что вокруг князя изменился воздух.

Едва заметно. Как перед той трещиной на дороге. По каменным плитам двора пробежала тонкая тень, хотя солнца не было. Лошади занервничали. Кто-то отступил на шаг.

Я тоже хотела.

Но осталась на месте.

Дарен спустился ещё на одну ступень.

Теперь между нами было всего несколько шагов.

— Лиана Морр, — произнёс он моё имя так, будто проверял вес каждого звука. — Вы понимаете, в чём только что признались?

— В том, что меня привезли под чужим именем.

— Нет. В том, что южный дом прислал мне подложную невесту.

— Это звучит как проблема южного дома.

На этот раз шёпот прошёл по двору гораздо смелее.

Ровен кашлянул так, будто пытался спрятать смешок и одновременно свою карьеру.

Дарен смотрел на меня.

— Вы дерзки для девушки, которую могут обвинить в срыве договора.

— Я испугана. Это иногда похоже.

— Вы испуганы?

— Очень.

— Но говорите так, будто готовы спорить со мной в моём дворе перед моими людьми.

— Я пока не знаю местных правил. Возможно, это добавляет смелости.

На его лице впервые что-то изменилось.

Не улыбка.

Скорее тень интереса.

Плохого или хорошего — я не поняла.

— Лорд Эйрдан решил, что я не отличу дочь знатного дома от её компаньонки? — спросил он.

Сопровождающий снова открыл рот, но передумал.

Правильно.

Дарен наконец вскрыл конверт. Прочитал первый лист.

Второй. Его лицо оставалось неподвижным, но воздух вокруг становился всё плотнее.

— В документах указана Виола Эйрдан, — сказал он.

— Да.

— Кольцо договора на вашей руке.

— Да.

— Печать принята.

— К сожалению.

— Вы понимаете, что по старому праву северной дороги тот, кого печать пропустила к воротам Вейрхольма, не может быть просто выброшен обратно в снег?

Нет.

Разумеется, не понимала.

Но впервые за этот день услышала что-то, отдалённо похожее на хорошую новость.

— Звучит разумнее, чем многие вещи, которые произошли со мной сегодня.

Дарен шагнул ближе.

Теперь я ясно увидела тёмный знак на его правой руке. Он начинался у запястья и уходил под рукав, похожий на переплетение тонких линий, будто по коже пустили чернильные корни. Знак не был неподвижным. Нет. Он едва заметно мерцал, как уголь под слоем пепла.

Родовая печать.

Проклятие.

Я заставила себя не смотреть слишком долго.

Не получилось.

Дарен заметил.

— Вам говорили не смотреть на мою руку?

— Говорили много чего.

— И?

— Я стараюсь выбирать, какие советы портят мне жизнь меньше.

Во дворе кто-то тихо прыснул и тут же замолчал.

Дарен слегка склонил голову.

— Вы либо храбрая, Лиана Морр, либо глупая.

— Сегодня я надеялась быть живой. Остальное можно уточнить позже.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд.

Потом повернулся к Ровену.

— Людей Эйрдана разместить в нижнем дворе. Никого не выпускать из крепости до моего решения. Марту — отдельно.

Марта за моей спиной тихо охнула.

— Князь, — начал один из сопровождающих.

Дарен даже не посмотрел на него.

— Если кто-то из южных гостей попытается отправить письмо без моего разрешения, я сочту это продолжением обмана.

Мужчина побледнел.

— Как пожелаете.

Дарен снова повернулся ко мне.

— А вы, Лиана Морр, пойдёте со мной.

Вот тут моя храбрость решила, что с неё достаточно.

— Куда?

— Туда, где мне объяснят, почему в моём дворе стоит не та невеста.

— Я уже объяснила.

— Нет. Вы только начали.

Он развернулся и пошёл к дверям крепости.

Я осталась стоять.

Не из протеста.

Просто ноги на секунду забыли, как двигаться.

Ровен тихо сказал рядом:

— На вашем месте я бы пошёл.

— На моём месте вы бы уже сбежали.

— Возможно. Но я лучше знаю северные дороги.

Я посмотрела на раскрытые двери крепости. За ними горел тёплый свет, но он не успокаивал. Скорее обещал, что внутри будет не холоднее, а опаснее.

Дарен остановился на пороге и оглянулся.

— Лиана.

Он не назвал меня миледи.

Не назвал Виолой.

Не назвал самозванкой.

Просто Лиана.

И это почему-то заставило меня сделать шаг.

Потом второй.

Я поднялась по ступеням, чувствуя на спине взгляды дво-
ра, страх Марты, ненависть людей Эйрдана, любопытство се-
верян и тяжесть кольца, которое всё ещё сидело на моём
пальце.

У самого входа Дарен протянул руку.

Не чтобы помочь.

Чтобы остановить меня.

Я замерла.

Он наклонился чуть ближе. Не слишком. Но достаточно,
чтобы я почувствовала холодный запах снега, кожи и дыма
от его плаща.

— Запомните одно, Лиана Морр, — сказал он тихо, так,
что слышала только я. — В моём доме ложь живёт недолго.

Я подняла глаза.

Серые. Непроницаемые. Опасные.

И слишком внимательные.

— Тогда вам стоит начать с тех, кто отправил меня сюда,
— ответила я так же тихо. — Я всего лишь приехала не в
той карете.

Дарен смотрел на меня.

И в этот миг его тёмная печать на руке вспыхнула.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы каменные стены Вейрхольма отве-
тили едва слышным гулом.

Будто крепость слышала меня.

И узнала.

Князь, которому нельзя лгать

Крепость загудела.

Не громко. Не так, чтобы камни посыпались с потолка или люди бросились к выходам. Нет. Гул прошёл глубоко под ногами, будто сама гора, на которой стоял Вейрхольм, на мгновение проснулась, услышала моё имя и решила, что я заслуживаю внимания.

От этого мне захотелось немедленно перестать быть заслуживающей чего бы то ни было.

Дарен Вейр не отступил. Даже не вздрогнул. Только его пальцы, остановившие меня у входа, сжались на краю дверного проёма сильнее, и тёмные линии на правой руке проступили ярче, словно кто-то провёл по коже раскалённым чернилом.

Я смотрела на его руку.

Он смотрел на меня.

А за нашими спинами молчал весь двор.

— Интересно, — сказал князь наконец.

Если бы он заорал, было бы проще. Если бы приказал схватить меня, я хотя бы получила понятную сцену: я невиновная, он ужасный северный князь, вокруг грубые воины, дальше побег, слёзы, условная башня. Но Дарен произнёс это «интересно» таким голосом, каким в моём мире люди говорили «у нас проблема в отчёте», когда на самом деле горел

весь проект.

— Мне уже не нравится, когда здесь что-то называют интересным, — сказала я.

Его взгляд задержался на моём лице чуть дольше, чем требовалось для угрозы.

— Тогда постарайтесь не становиться интереснее.

— Я вообще сегодня старалась не становиться невестой.

Где-то позади кто-то резко втянул воздух. Кажется, Ровен снова пытался решить, смеяться ему или переживать за моё будущее.

Дарен опустил руку.

Тёмные линии на коже дрогнули и ушли под край рукава, но не исчезли. Я успела заметить, что знак был не просто рисунком. В нём будто жили собственные правила: линии переплетались, расходились, собирались у запястья в узкий узел и тянулись выше, под ткань. От них хотелось отвести взгляд — не из отвращения, а из странного ощущения, что если смотреть долго, знак посмотрит в ответ.

— За мной, — сказал князь.

— При свидетелях? — уточнила я.

Он остановился.

— Вы опасаетесь остаться со мной наедине?

Я оглянулась на двор, на людей Эйрдана, которые уже не выглядели самоуверенными посланниками южного дома, на Марту, бледную настолько, что серый чепец делал её почти прозрачной, на северян, которые смотрели на меня с холод-

НЫМ ЛЮБОПЫТСТВОМ.

— Я опасаясь всего списка, — честно ответила я. — Вас — тоже, но вы хотя бы пока не притворяетесь, что всё это ради моего блага.

Его губы едва заметно дрогнули.

Не улыбка. Скорее предупреждение, что улыбка в этом человеке есть, просто ей нужно официальное разрешение.

— Разумный страх, — сказал Дарен. — Сохраните его. Он вам пригодится.

— Обнадёжили.

— Это редко моя цель.

Он шагнул в крепость, и мне пришлось последовать.

Вейрхольм внутри оказался не мрачной кучей камней, как я ожидала, а чем-то гораздо более опасным: суровым, огромным и живым. Высокий зал за воротами поднимался на два этажа, своды терялись в полумраке, вдоль стен горели узкие светильники с синим пламенем. Оно почти не давало тепла, зато отбрасывало на камень тени, похожие на крылья. На стенах висели старые щиты, меховые накидки, потемневшие gobelены с башнями, волками, луной и людьми, которые либо сражались, либо приносили клятвы. У северян, похоже, было всего два досуга: держать границы и выглядеть так, будто ты родился с мечом вместо игрушки.

Пол под ногами был выложен тёмными плитами. Когда я ступила на первую, кольцо на пальце снова коротко вспыхнуло.

Я замерла.

Дарен услышал.

Или почувствовал.

Он обернулся.

— Что?

— Оно снова светится.

Он посмотрел на мою руку.

Кольцо уже потускнело.

— Печать договора признаёт дом.

— Дом тоже имеет мнение?

— В Вейрхольме почти всё имеет мнение.

— Уже заметила.

— Но не всё стоит спрашивать вслух.

Я посмотрела на стены.

— Особенно стены?

— Особенно стены.

В этот момент из бокового прохода вышли трое. Первый — высокий мужчина лет пятидесяти, в тёмном длинном камзоле, с аккуратно подстриженной бородой и цепью на груди. Его лицо было таким строгим, что рядом с ним Дарен почти казался дружелюбным, если забыть, что Дарен мог, вероятно, заставить камни гудеть.

Вторая — женщина в чёрном платье с высоким воротом. Седые волосы заплетены вокруг головы, ключи на поясе, взгляд — быстрый и цепкий. Она за один миг оценила моё платье, дорожную пыль на подоле, кольцо, лицо и, кажется,

даже степень моей пригодности для северной жизни.

Третий был моложе, почти ровесник Дарена, светловолосый, с тонкими чертами и приятной улыбкой, которая не понравилась мне сразу. Не потому, что была злой. Наоборот, слишком приятной. Такими улыбками обычно накрывают стол, под которым уже спрятали нож.

— Князь, — произнёс старший мужчина. — Мы услышали двор.

— Его трудно было не услышать, Торн, — ответил Дарен.

Значит, Торн. Судя по тону, важный человек. Советник? Управляющий? Тот самый тип, который знает, где лежат все документы, кто с кем переписывается и сколько свечей сгорело за ужином.

Женщина с ключами поклонилась.

— Комнаты для леди готовы, мой князь.

Дарен посмотрел на неё.

— Переделайте распоряжение, госпожа Сельма.

Её лицо не дрогнуло.

— Комнаты не подходят?

— Подходят. Имя — нет.

Теперь они посмотрели на меня.

Сразу все трое.

Я вдруг отчётливо почувствовала, как холодный воздух крепости касается шеи над воротом платья. До этого двор был опасным, но открытым. Здесь же опасность имела стены, коридоры и людей, которые умели молчать так, что в этом

молчании уже звучал приговор.

— Это не леди Виола Эйрдан, — сказал Дарен.

Сельма моргнула один раз.

Торн не моргнул вообще.

Светловолосый мужчина медленно повернул голову к князю.

— Простите?

— Вы слышали, лорд Мерден.

Значит, Мерден.

Буду запоминать. Если у тебя нет паспорта, денег и понимания местной магии, хотя бы имена врагов нужно собирать аккуратно.

— Князь, — произнёс Торн после короткой паузы, — возможно, этот вопрос лучше обсудить не в общем зале.

— Именно поэтому вы все здесь, — ответил Дарен. — Я не намерен позволить южному дому потом заявить, что невесту подменили в Вейрхольме.

Торн медленно повернулся ко мне.

— Ваше имя?

Я выпрямилась.

— Лиана Морр.

— Статус?

Вот тут мне захотелось сказать что-то вроде «случайная жертва транспортного беспредела», но я вовремя прикусила язык.

— Компаньонка леди Виолы Эйрдан.

Лорд Мерден улыбнулся чуть шире.

— И всё же носите её платье, её кольцо и её брачные документы. Удивительное совпадение.

— Да, день вообще богат на совпадения.

Сельма опустила глаза. Не слишком быстро, но я заметила: ей пришлось спрятать выражение лица.

Дарен подошёл к длинному столу у стены, положил на него вскрытый конверт и развернул документы.

— Ровен подтвердил, что северная дорога пропустила её. Торн напрягся.

— Пропустила после чего?

— После признания, что она не та, кого обещали.

Теперь даже Мерден перестал улыбаться.

— Дорога приняла самозванку?

— Дорога приняла носительницу печати, сказавшую правду, — поправил Дарен. — Это разные вещи.

Я была очень благодарна дороге. И одновременно совершенно не понимала, чем теперь обязана дороге за её неожиданный интерес ко мне.

— Старое право, — медленно сказал Торн.

— Да.

— Князь, если печать доставила её к воротам, мы не можем отдать девушку южанам без разбирательства.

Прекрасно.

Кто-то произнёс это вслух.

Я почти расслабилась.

И очень зря.

— Но и принять её как невесту без подтверждения Совета не можем, — добавил Торн.

Разумеется.

— Зимний Совет через двенадцать дней, — сказал Дарен.

— До тех пор она останется в Вейрхольме под моей защитой и под именем, которое признала дорога.

— Под именем Лианы Морр? — уточнил Мерден.

— Под именем моей невесты.

Я резко повернулась к Дарену.

— Что?

Слово прозвучало не как подобает женщине, которую только что защитили старым правом и статусом. Скорее как человеку, которому сообщили, что пожар временно решили тушить керосином.

Дарен посмотрел на меня спокойно.

— Вы предпочитаете сейчас выйти во двор и быть переданной людям Эйрдана как беглая компаньонка, укравшая кольцо?

— Я предпочитаю варианты без брака.

— На северной дороге вы их уже миновали.

— Это не ответ.

— Это текущая местность.

Я вдохнула.

Медленно.

Не помогло.

— Князь Дарен, — сказала я, стараясь говорить так, будто вокруг не стоят люди, которые сейчас запомнят каждый мой вздох, — кажется, вы не совсем понимаете. Я не ваша невеста.

— А вы не совсем понимаете, Лиана Морр. Сейчас вы либо невеста, которую Вейрхольм имеет право удержать до Совета, либо преступница, которую южный дом получит обратно до заката.

Тишина стала такой плотной, что даже синие светильники будто горели тише.

Вот он, выбор между плохим и худшим, о котором говорила Марта.

Только я не думала, что мне предложат его так быстро, в красивой упаковке из каменных стен, старого права и серых глаз, которым явно было плевать на мой внутренний протест.

— И вы решили это за меня? — спросила я.

— Я решил не отдавать вас тем, кто, по вашим словам, уже однажды использовал вас как замену.

— Как благородно.

— Нет. Политически необходимо.

По крайней мере, честно.

Лорд Мерден тихо кашлянул.

— Мой князь, если позволите, ситуация крайне неудобна. Южные дома...

— Узнают только то, что я позволю им узнать, — перебил

Дарен.

— Род Эйрдан потребует вернуть девушку.

— Пусть потребует.

— Они скажут, что договор сорван по нашей вине.

— Они прислали мне компаньонку под именем дочери.

— Если это подтвердится.

Дарен повернул к нему голову.

Медленно.

— Вы сомневаетесь в слове северной дороги?

Мерден сразу опустил взгляд.

— Нет, князь. Я всего лишь указываю, что Совет потребует доказательств.

— Получит.

Торн положил пальцы на край документов.

— До Совета необходимо сохранить видимость действующего договора.

— Сохраните, — сказал Дарен.

— Для этого девушка должна быть представлена двору как ваша невеста.

— Будет.

— И ей придётся участвовать в приветственном ужине.

Я повернулась к Торну.

— Кому придётся?

Торн посмотрел на меня без всякого сочувствия.

— Вам.

— Я только что приехала в чужую крепость, призналась

в подмене, чуть не провалилась вместе с дорогой в какую-то магическую трещину, и теперь должна ужинать?

— Север уважает порядок, — сказал Торн.

— Северу стоит пересмотреть приоритеты.

Сельма негромко произнесла:

— Для начала леди нужно переодеться и согреться.

Дарен бросил на неё короткий взгляд.

Я тоже.

В её словах было не тепло. Скорее практичность. Но после Торна и Мердена практичность показалась почти милосердием.

— Лиана Морр останется в восточных покоях для невесты, — сказал Дарен. — У дверей — стража. Никого из Эйрданов к ней не допускать. Марту привести позже. Отдельно.

Я напряглась.

— Что с Мартой?

— Я задам ей вопросы.

— Она не принимала решения.

— Вы в этом уверены?

Нет.

Я ни в чём не была уверена.

Кроме того, что Марта боялась. А страх не делает человека невиновным, но часто объясняет, почему он не стал героем.

— Она предупредила меня, — сказала я.

— После того как довезла до моей крепости под чужим

именем.

— Иногда предупреждение — единственное, что может дать человек без власти.

Дарен замер.

Очень ненадолго.

Но я заметила.

Эта фраза была не моей. Мартиной. И вдруг в лице князя что-то едва уловимо изменилось, словно он услышал за ней больше, чем я хотела сказать.

— Вы защищаете её? — спросил он.

— Я пытаюсь не потерять единственного человека, который хоть что-то объяснил мне за последние часы.

— Она служит Эйрданам.

— А я, видимо, служу вашему договору. Плохие обстоятельства редко спрашивают, кому мы хотим принадлежать.

Дарен смотрел на меня.

Долго.

Слишком долго для зала, где стояли посторонние.

— Марту не трогать, пока я не поговорю с Лианой, — сказал он наконец.

Сельма склонила голову.

— Будет исполнено.

Я не поблагодарила.

Не потому, что не была благодарна. Была. Но сдержалась. Инстинкт подсказал: если сейчас покажу слишком много облегчения, это станет ещё одним рычагом.

Дарен, кажется, это понял.

— Сельма, проводите её.

— Да, мой князь.

Светловолосый Мерден проводил меня взглядом, от которого хотелось проверить, не испачкался ли подол чужого платья кровью политического скандала. Торн уже снова смотрел на документы. Дарен стоял у стола, и его профиль в синем свете казался высеченным из того же камня, что стены крепости.

Я пошла за Сельмой.

Не потому, что доверяла.

Потому что иногда шаг вперёд — это просто способ не упасть на месте.

Восточные покои оказались не комнатой, а целой небольшой территорией: приёмная, спальня, узкая гардеробная и огромное окно, за которым серели горы. Там не было южной роскоши, но было всё, что север считал достойным невесты князя: тяжёлые ткани, тёмное дерево, серебряные подсвечники, меховое покрывало на кровати, высокий камин с живым огнём. Обычным. Красным, не синим.

Я почти влюбилась в этот огонь.

Сельма остановилась у двери и указала на кресло у камина.

— Садитесь.

— Это приказ или забота?

— Опыт.

— У вас все в Вейрхольме говорят так, будто короткие фразы экономят тепло?

Она посмотрела на меня без улыбки.

— Тепло здесь действительно экономят.

Ладно.

Не лучший момент для шуток о климате.

Я села. Ноги гудели, спина болела от корсета, голова всё ещё была тяжёлой, но сейчас всё это казалось второстепенным. Самым важным было то, что дверь закрылась, а меня пока не отдали Эйрданам и не бросили в темницу. Восточные покои, конечно, тоже могли быть темницей, просто с камином, но прогресс был замечен.

Сельма подошла к гардеробной и достала оттуда тёмно-синее платье. Простое по крою, но явно дорогое. Без лишних оборок. Шерсть мягкая, плотная, рукава длинные. На северном фоне — почти дружеский жест.

— К ужину это подойдёт.

— Я не уверена, что ужин входит в список моих жизненных целей.

— Зато входит в список обязанностей невесты князя.

— Я временная невеста по недоразумению.

— В Вейрхольме временное часто держится дольше постоянного.

— Утешаете?

— Предупреждаю.

Я вздохнула.

— Скажите честно, госпожа Сельма. Здесь вообще кто-нибудь умеет утешать?

Она повесила платье на ширму.

— Ровен иногда пытается. Обычно неудачно.

— Я заметила потенциал.

На этот раз в уголках её губ всё-таки мелькнуло что-то похожее на улыбку. Очень быстрое. Северное. Почти контрабандное.

— Вам помогут переодеться.

— Кто?

— Девушки из прислуги.

— Они знают?

— Через час будет знать вся крепость.

— Через час? У вас тут медленно распространяются новости.

Сельма повернулась ко мне.

— Официально знать. Неофициально — уже знают.

Прекрасно. Я ещё не успела понять, как здесь устроены двери, а уже стала главным развлечением Вейрхольма.

— И что они думают?

— Что южный дом оскорбил князя. Что дорога приняла вас. Что печать крепости отозвалась. И что вы либо дар старого права, либо новая беда.

— Голосую за третий вариант: человек, которому очень не повезло.

— Вейрхольм редко принимает тех, кому просто не по-

везло.

Слова прозвучали слишком спокойно, чтобы быть случайными.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Что значит «печать крепости отозвалась»?

Сельма замолчала.

Слишком быстро.

— Госпожа Сельма.

— Это вопрос к князю.

— Все сложные вопросы здесь автоматически становятся вопросами к князю?

— Те, что могут стоять людям места в этом доме, — да.

Я откинулась на спинку кресла.

— Понятно.

— Нет, — сказала она неожиданно. — Вам ещё ничего не понятно. И если вы умны, не станете делать вид, что поняли.

Это было так честно, что я даже не обиделась.

— Я стараюсь.

— Старайтесь тише.

— Не обещаю.

Сельма посмотрела на меня ещё раз, будто решала, насколько я опасна для мебели, порядка и нервов князя, потом подошла к двери.

— Через четверть часа придут девушки. Через час — ужин. Князь поговорит с вами до него.

— До ужина?

— Если он решит.

— А если я решу, что не хочу?

Сельма почти сочувственно посмотрела на меня.

— Тогда вы начнёте плохо.

Она вышла.

Дверь закрылась.

И я осталась одна.

Впервые за весь этот безумный день.

Тишина обрушилась не сразу. Сначала я ещё слышала шаги в коридоре, глухие голоса, потрескивание огня. Потом всё это стало фоном, а на передний план вышло главное: я действительно в другом мире. В чужом теле. В крепости мужчины, которого называют проклятым. Под видом его невесты, хотя уже призналась, что я не та.

Я подняла руку к лицу.

Кольцо молчало.

— Ну? — прошептала я. — Ты тоже считаешь, что я новая беда?

Оно, разумеется, не ответило.

Спасибо и на этом.

Я подошла к зеркалу у стены.

И впервые как следует увидела Лиану.

Точнее, себя — теперь.

Девушка в отражении была моложе, чем я привыкла. Лет двадцать, может, двадцать один. Тёмные волосы, слишком длинные для удобства, лицо тонкое, глаза большие, серо-зе-

лёные. Не красавица в привычном смысле южной Виолы из воспоминаний. В Лиане не было лощёной уверенности девушки, которая с детства знала цену своего имени. Но было что-то другое: внимательность, которую раньше, наверное, принимали за покорность.

Я коснулась зеркала.

— Лиана Морр, — сказала я тихо. — Прости.

За что именно — не знала.

За то, что заняла её тело? За то, что пока не понимаю, где её душа, осталась ли она где-то, помнит ли, хочет ли обратно? За то, что уже говорю её голосом громче, чем она, возможно, позволяла себе всю жизнь?

Ответа не было.

Только огонь в камине и странное ощущение, что где-то глубоко, под слоем чужих воспоминаний, дрогнуло не возращение.

Скорее усталое разрешение.

В дверь постучали.

Я почти подпрыгнула.

— Войдите.

Две девушки вошли с горячей водой в кувшинах и стопкой белья. Обе молодые, в серых платьях, с аккуратными косами. Одна рыжеватая, круглолицая, пыталась не смотреть на меня прямо. Вторая тёмненькая, худенькая, как оленёнок, смотрела как раз слишком прямо.

— Меня зовут Инга, — сказала рыжая. — Это Мира.

— Лиана, — ответила я.

Они переглянулись.

— Мы знаем, леди.

Я почти сказала «не леди», но вовремя остановилась. Сколько раз за день можно спорить с титулом, который стал единственной стеной между мной и южной расправой?

— Просто Лиана, если мы одни, — сказала я.

Инга побледнела.

— Госпожа Сельма велела обращаться к вам как к невесте князя.

— Конечно, велела.

Мира тихо спросила:

— Это правда?

Инга шикнула на неё.

— Мира!

— Что именно? — спросила я.

— Что дорога вас пропустила, хотя вы сказали, что не та.

Я посмотрела на девочку. В её глазах не было злобы. Только жадное, испуганное любопытство.

— Правда.

— Значит, вы не лгали.

— В тот момент — нет.

— В Вейрхольме дорога редко отвечает чужим, — сказала Мира.

— Мира! — снова прошипела Инга.

— Пусть говорит, — попросила я. — Мне полезно знать,

что именно в этом доме считает меня подозрительной.

Мира прикусила губу.

— Я не это имела в виду.

— А что?

— Старые печати не любят южан. А вы приехали в южном платье, с южными людьми, по южному договору. Но дорога пропустила вас, когда вы сказали правду. Это значит...

— Что?

Она посмотрела на кольцо.

— Что печати слышали не имя.

Инга поставила кувшин так резко, что вода плеснулась через край.

— Мира, ты хочешь, чтобы госпожа Сельма отослала тебя чистить дальние лестницы?

Мира опустила глаза.

— Нет.

Я запомнила.

Печати слышали не имя.

Что они тогда слышали?

Переодевание оказалось отдельной пыткой, хотя девушки старались. Чужое платье Виолы снималось долго: крючки, шнуры, слои ткани. Когда корсет наконец ослаб, я впервые вдохнула по-настоящему и чуть не простила северу половину его угроз.

— Его нужно было так затягивать? — спросила я.

Инга смутилась.

— Южная мода.

— Южная мода ненавидит лёгкие.

— Что?

— Ничего.

Синее платье оказалось гораздо удобнее. Оно не делало из меня фарфоровую статуэтку, зато позволяло двигаться, дышать и, если повезёт, убегать. Последний пункт я пока не планировала, но люблю одежду, которая уважает возможности.

Когда девушки закончили, я почти не узнала отражение. Лиана в северном платье выглядела спокойнее. Не богатой леди и не перепуганной компаньонкой. Скорее человеком, который пока сам не знает, что он здесь делает, но уже решил не падать лицом в снег.

Инга приколола мои волосы у затылка простой серебряной шпилькой.

— Так лучше, — сказала она.

— Почему?

— Менше похоже на Эйрданов.

Инга тут же замерла, будто сама испугалась своей смелости.

Я посмотрела на неё в зеркале.

— Спасибо.

Она отвела глаза, но губы её дрогнули.

Постучали снова.

На этот раз без ожидания вошёл Ровен.

Инга и Мира мгновенно отступили и присели в поклоне.

— Князь ждёт, — сказал он.

— Ужин уже?

— Нет.

— Значит, разговор.

— Да.

Я посмотрела на своё отражение ещё раз.

— Насколько страшным мне нужно выглядеть?

Ровен окинул меня взглядом с ног до головы.

— Для князя? Бесполезно стараться. Он видел хуже.

— Прекрасно. Значит, моя внешность не провалит переговоры.

— Ваш язык может.

— Он старается.

— Заметно.

Я пошла за ним.

Коридоры Вейрхольма были длинными, холодными и на удивление не пустыми. Люди попадались часто, но при виде нас отходили к стенам и кланялись. Некоторые смотрели украдкой. Некоторые прямо. Несколько женщин прошептались, и я уловила только «не та» и «дорога». Отлично. Моё личное прозвище уже ушло в народ.

— Они всегда так смотрят? — спросила я.

— Нет.

— Утешили.

— Обычно хуже.

— На князя?

Ровен не ответил.

Ответ понятен.

Мы свернули в узкий проход, поднялись по лестнице и остановились перед тяжёлой дверью, украшенной тем же знаком башни и полумесяца. Ровен постучал.

— Войдите, — раздался голос Дарена.

Ровен открыл дверь, пропустил меня внутрь и остался снаружи.

Предатель.

Кабинет князя был большим, но не роскошным. Огромный стол, карты на стенах, полки с папками и свитками, стойка с оружием у камина. Окно выходило на заснеженный двор. На столе лежали документы Эйрданов, моё злосчастное письмо, карта северных земель и тонкая металлическая пластина, похожая на ту, которой Ровен проверял кольцо.

Дарен стоял у камина.

Без плаща.

В чёрной рубашке с расстёгнутым воротом и закатанным на правой руке рукавом.

Я сразу увидела печать.

Теперь она была открыта почти до локтя. Тёмные линии уходили выше, под ткань, но на предплечье сходились в сложный узор: башня, переплетённая с ветвями, полумесяц, разломанная окружность и тонкие лучи. Красивое, если забыть, что оно выглядело живым.

Я заставила себя поднять глаза к его лицу.

Поздно.

Он заметил.

— Можете смотреть, — сказал он. — Если не начнёте молиться.

— Я сегодня уже достаточно разочаровала местные ожидания. Молиться не планировала.

— Хорошо.

— Почему?

— Обычно это затягивает разговор.

Я не удержалась.

— Это была шутка?

— Нет.

— Жаль. Для первой попытки было бы неплохо.

Дарен указал на кресло напротив стола.

— Садитесь, Лиана Морр.

— Вы всегда называете людей полным именем, когда хотите их запугать?

— Пока вы не дали мне другого имени.

Я села.

Он не сел сразу. Подошёл к столу, взял документы, положил передо мной первый лист.

— Это брачный договор между домом Вейр и домом Эйрдан. Подписан лордом Грегором Эйрданом и мной через представителей. Закреплён печатью дороги. Цель — союз на зимнем Совете и поддержка торгового пути через Чёрный

перевал.

— Марта говорила.

— Теперь слышали от меня.

— Это делает договор дружелюбнее?

— Нет.

Он положил второй лист.

— Это письмо лорда Эйрдана, где он подтверждает, что отправляет свою дочь Виолу в Вейрхольм добровольно и с полным согласием семьи.

— Виола, судя по всему, была не в курсе полного согласия.

— Или решила, что её согласие важнее семейного.

— А разве нет?

Дарен посмотрел на меня.

— В вашем мире, возможно.

Сердце ударило слишком резко.

Я застыла.

Он заметил и чуть наклонил голову.

— Оговорка?

Я сглотнула.

— В моей жизни.

— Вы сказали «в вашем мире».

— Это выражение.

— Южное?

— Моё.

Серые глаза не отпускали.

— Будем считать, что так.

Нет, не будем.

Он просто отложил вопрос.

И от этого стало хуже.

Дарен сел напротив. Теперь стол разделял нас, но почему-то расстояния стало меньше. Он умел заполнять пространство, не повышая голоса и не двигаясь. В этом была его опасность: рядом с ним хотелось заранее признаться в том, о чём тебя ещё не спросили.

— Начнём с простого, — сказал он. — Вы знали о подмене до выезда?

— Нет.

— До пограничного поста?

— Да.

— Кто сказал?

— Марта. После того как я пришла в себя.

— Вы потеряли сознание?

— Видимо. Или ударилась головой, когда пыталась бежать. Подробности не помню.

Он наблюдал за мной слишком внимательно.

— Что вы помните?

Вот тут начиналась пропасть.

Я помнила свою кухню. Экран телефона. Соседский ремонт. Усталость. Потом чужую карету. Чужое тело. Чужую жизнь. Но если скажу это вслух, даже северная дорога не поможет: меня признают не просто самозванкой, а чем-то го-

раздо более неудобным.

— Обрывки, — сказала я. — Комнату в доме Эйрдан. Виллу, которая кричала, что не поедет. Мужчину с перстнем. Кольцо. Платье. Карету.

— Мужчину с перстнем?

— Думаю, лорд Грегор. Я видела его только в воспоминании тела.

Дарен замер.

Слишком незаметно для обычного человека.

Но я сидела напротив и смотрела именно на него.

— В воспоминании тела, — повторил он.

Вот чёрт.

— После удара воспоминания идут странно, — сказала я.

— Вы говорите о себе так, будто Лиана Морр — не совсем вы.

Тишина.

Свет в камине треснул, и я вздрогнула. Дарен не шевельнулся.

— Сейчас я Лиана Морр, — сказала я осторожно.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

— Нет. Это единственный ответ, который вы готовы дать.

Я посмотрела на его руку. На тёмную печать, которая едва заметно шевельнулась.

— Вы сказали, что в вашем доме ложь живёт недолго.

— Да.

— А если правда звучит как безумие?

— Тогда она опаснее лжи.

— Для кого?

— Для всех.

В этом я ему верила.

Именно поэтому попаданство осталось за зубами.

— Я не могу объяснить всё, — сказала я. — Не потому, что хочу обмануть. Потому что сама не понимаю. Я пришла в себя в карете. Я знаю, что это тело — Лианы Морр. Знаю то, что она помнила кусками. Знаю, что меня подставили вместо Виолы. Больше — нет.

Дарен молчал.

Печать на его руке медленно потемнела.

— Вы ждёте, что я поверю?

— Нет.

— Хорошо.

— Но я надеюсь, что вы проверите не только меня.

— Уже проверяю.

— И?

— Люди Эйрдана говорят, что вы ударились головой, начали путаться в словах и в пути объявили себя компаньонкой из страха перед браком.

— Удобно.

— Очень.

— Марта?

— Молчит.

— Боится.

— Все боятся.

— Вас?

Дарен усмехнулся.

Без радости.

— В том числе.

Я наклонилась вперёд.

— Вы правда можете понять, когда вам лгут?

Он тоже чуть подался ближе.

— Иногда.

— Как?

— Печать реагирует.

— На любую ложь?

— На ту, что имеет цену для дома Вейр.

— То есть если я скажу, что люблю северную кухню, а потом выяснится, что нет, стены не рухнут?

— Если северная кухня не станет вопросом договора, нет.

— Уже легче.

— Но если вы солжётё о причине своего появления здесь, печать услышит.

Я невольно посмотрела на его руку.

— Она сейчас слышит?

— Слушает.

Очень неуютное слово.

Я выпрямилась.

— Тогда спросите.

— Вы леди Виола Эйрдан?

— Нет.

Печать не дрогнула.

— Вы украли её документы?

— Нет.

Ничего.

— Вы добровольно заняли её место, чтобы выйти за меня?

— Нет.

Печать оставалась тёмной.

— Вы служите дому Эйрдан в заговоре против меня?

— Нет.

На этот раз линии на его руке едва заметно вспыхнули.

Я похолодела.

— Я сказала правду.

Дарен смотрел на печать.

— Да.

— Тогда почему она светится?

— Потому что вопрос коснулся заговора.

— Но я не часть его.

— Не сознательно.

Мне стало нехорошо.

Не телесно. Глубже. Страшнее.

— Что это значит?

— Что дом Эйрдан мог отправить вас не только как замену Виолы.

— А как что?

— Как повод.

Я вспомнила двор. Людей Эйрдана. Их страх не за меня, а за себя. Марту, предупреждавшую не оставаться с ними наедине. Трещину на дороге. Слова Ровена: князю это не понравится.

— Повод для чего?

Дарен откинулся на спинку кресла.

— Для срыва договора по моей вине. Для обвинения Вейрхольма в том, что север оскорбил южный дом, принял подложную невесту, удержал компаньонку или причинил ей вред. Зависит от того, какая версия окажется выгоднее.

— То есть если бы вы отправили меня обратно...

— Эйрданы заявили бы, что я унизил их дочь или похитил их служанку. Если бы наказал вас — получил бы ещё более удобный скандал. Если бы молча принял — оказался бы связан браком с девушкой без рода и дал Совету повод усомниться в моей способности держать договоры.

— Великолепно. Я не человек, а политический капкан.

— Сейчас — да.

Спасибо за мягкость, князь.

— И что вы собираетесь делать?

— То, что уже сказал. Публично вы остаётесь моей невестой до зимнего Совета.

Я резко поднялась.

— Нет.

Дарен даже не моргнул.

— Сядьте.

— Нет.

— Это приказ.

— А я не ваша подданная.

— Вы в моём доме, под моей защитой, с моей печатью договора на руке.

— С вашей печатью, которую мне надели силой.

— Докажите это.

Вот он.

Холодный камень под ногами.

Он не издевался. Не наслаждался. Просто назвал реальность, и от этого стало ещё злее.

— Я не могу.

— Значит, мы будем действовать с тем, что можем доказать.

— Я не собираюсь изображать вашу невесту.

— Собираетесь, если хотите пережить следующие двенадцать дней.

— Перестаньте говорить о моей жизни как о пункте стратегии.

Он медленно поднялся.

И только тогда я поняла, что тоже стою, а стол между нами больше не кажется достаточной преградой.

— Вы хотите честности? — спросил Дарен.

— Очень.

— Без моего имени рядом вас разорвут. Южане — чтобы

спрятать свой обман. Северные дома — чтобы не дать Эйрданам использовать вас против меня. Совет — чтобы показать, что старые договоры ещё имеют зубы. Вы не просто девушка, оказавшаяся не в той карете. Вы ходячее доказательство чужой подлости. А доказательства, Лиана Морр, редко оставляют жить спокойно.

Я сжала кулаки.

— Это должно убедить меня благодарить вас?

— Нет. Это должно убедить вас думать.

— Я думаю.

— Тогда думайте быстрее.

Злость поднялась такая острая, что на секунду исчез страх.

— Вы ничем не лучше Эйрданов, если тоже собираетесь использовать меня.

Печать на его руке вспыхнула ярче.

Не от лжи.

От его реакции.

Огонь в камине качнулся в сторону, будто от невидимого ветра.

Дарен не подошёл ближе, но напряжение между нами стало почти ощутимым.

— Осторожнее.

— Почему? Правда в вашем доме живёт дольше, чем ложь?

— Потому что вы не знаете, о чём говорите.

— Тогда объясните.

— Я не отдаю вас им.

— Зато оставляете себе.

— До Совета.

— Как вещь с отложенным решением.

— Как свидетельницу, которую иначе уничтожат.

— И как невесту, которая вам нужна для политического союза.

Он замолчал.

Вот.

Попала.

— Да, — сказал Дарен.

Я не ожидала честности так быстро.

Она сбила хуже уклончивости.

— Да, — повторил он. — Союз с южными домами нужен северу. Чёрный перевал закрывается всё раньше. Торговый путь слабнет. На Совете мои противники ждут повода назвать Вейров опасными, изолированными и непригодными держать границу. Если я сорву договор сейчас, они получают повод. Если я приму подмену молча, они получают повод. Если вы исчезнете, они получают повод. Поэтому вы останетесь живой, видимой и под моей защитой.

— Как ваша невеста.

— Как моя невеста.

— До Совета.

— До Совета.

— А потом?

— Потом Совет решит, признаёт ли старое право дороги ваше место в договоре или возвращает спор Эйрданам.

— То есть через двенадцать дней меня могут отдать обратно.

— Если у нас не будет доказательств подмены и намерения Эйрданов — да.

У меня внутри всё сжалось.

— Вы обещали защиту.

— Я обещаю её до Совета.

— Какая щедрость.

— Лиана.

— Не произносите моё имя так, будто это должно меня успокоить.

Он посмотрел на меня странно.

— А успокаивает?

— Нет.

— Тогда я продолжу.

Я стиснула зубы.

И вдруг поняла: спорить с ним можно долго. Очень долго. У князя была железная логика, власть, крепость, печать и способность говорить неприятные вещи так, будто они неизбежны, как снег в горах. У меня была злость, страх и странный талант отвечать раньше, чем думать.

Победа сомнительная.

Но я могла торговаться.

— Условия, — сказала я.

Дарен прищурился.

— Вы в положении не для условий.

— Ошибаетесь. Именно в таком положении человек и должен ставить условия, пока его не превратили в мебель.

Он молчал.

Я продолжила, пока храбрость не сбежала.

— Я остаюсь вашей невестой до Совета. Публично. Но вы не называете меня Виолой. Никогда.

— Согласен.

Так быстро?

Я едва не сбилась.

— Вы не отдаёте меня Эйрданам без моего слова.

— До Совета — да.

— После Совета?

— После Совета многое будет зависеть от доказательств.

— Значит, вы помогаете мне их найти.

— Я и так собирался.

— Не вместо меня. Со мной.

Теперь пауза стала длиннее.

— Вы хотите участвовать в расследовании собственного обмана?

— Представьте себе. У меня личный интерес.

— Вы не знаете северных законов.

— Научу.

— Не знаете местной политики.

— Тоже.

— Не знаете, кому доверять.

— Вот здесь мы с вами почти равны.

В его глазах мелькнуло что-то острое.

— Почти?

— У вас больше опыта. Зато я хотя бы знаю, что мне нельзя доверять Эйрданам.

Дарен опёрся ладонями о стол.

Печать на руке была совсем близко. Тёмные линии мерцали слабее, но я чувствовала от них холодное давление, будто рядом лежал меч, который не обнажили, но он всё равно помнил свою работу.

— Ещё условия? — спросил он.

— Марта остаётся жива и в безопасности, пока не доказана её вина.

— Она знала о подмене.

— Но не была той, кто решил отправить меня.

— Вы слишком быстро берёте чужую сторону.

— Нет. Я слишком хорошо понимаю, как выглядит человек, которого держат страхом.

Он замолчал.

Снова это едва заметное изменение в лице.

— Хорошо, — сказал Дарен. — Марту не тронут без моего приказа. Она останется в крепости под наблюдением.

— Под наблюдением — не в темнице?

— Не в темнице.

— Спасибо.

— Это не доброта.

— Я уже поняла, что у вас тут доброту выдают по большим праздникам.

— И редко.

На этот раз это точно была почти шутка.

Я не улыбнулась только из принципа.

— Ещё одно, — сказала я.

— Разумеется.

— Вы не будете заставлять меня давать брачные клятвы, участвовать в обрядах, подписывать новые документы или изображать нежность без предупреждения.

Он смотрел на меня очень спокойно.

Слишком спокойно.

— Нежность без предупреждения?

Я почувствовала, что краснею, и возненавидела этот мир, платье, ситуацию и собственное лицо одновременно.

— Вы понимаете, что я имею в виду.

— Боюсь, мне нужно уточнение.

— Не нужно.

— Для договора — нужно.

— Не прикасайтесь ко мне на людях, если это не необходимо для этой вашей политической видимости. А если необходимо — предупреждайте.

Вот теперь он смотрел уже не как князь на проблему.

Как мужчина на женщину, которая только что обозначила

границу в мире, где границы за неё давно рисовали другие.

— Согласен, — сказал он тише.

Я не ожидала, что это слово прозвучит так.

Без насмешки.

Без раздражения.

Почти с уважением.

И от этого моя злость чуть сдвинулась, освобождая место чему-то более опасному: вниманию.

— Взамен, — сказал Дарен.

Конечно.

— Вы будете говорить мне правду во всём, что касается Эйрданов, дороги, кольца и вашего появления здесь.

— Во всём, что сама понимаю.

— Не играйте словами.

— Я не играю. Я действительно не всё понимаю.

— Если вспомните новое — скажете.

— Да.

— Не будете пытаться сбежать.

Я открыла рот.

Он поднял бровь.

— По крайней мере до Совета, — добавил он.

— Вы сейчас сами вносите поправки в свой приказ?

— Я учусь реалистично оценивать вашу покладистость.

— Умный подход.

— Согласны?

Я посмотрела на окно. За ним уже темнело. Где-то вни-

зу, в нижнем дворе, сидели люди Эйрдана, которые, возможно, рассчитывали, что я не доживу до утра удобной версии. В этих стенах меня считали то бедой, то самозванкой, то странным даром дороги. Передо мной стоял мужчина, которого боялись даже собственные слуги, и предлагал сделку, где свободы было мало, но жизнь — пока была.

— Согласна, — сказала я. — До Совета.

— До Совета, — подтвердил Дарен.

— А потом я сама решу, что делать.

Он посмотрел на меня.

— Если будете жива.

— Вы ужасно мотивируете.

— Зато честно.

Он протянул руку к кольцу.

Я инстинктивно отдернула ладонь.

Печать на его руке вспыхнула.

Не резко. Но в комнате сразу стало холоднее.

Дарен остановился.

— Я не собирался причинять вам вред.

— Тогда предупреждайте.

Пауза.

— Позвольте взглянуть на кольцо?

Слово «позвольте» прозвучало так непривычно, что я не сразу поняла, что это вопрос.

Мужчина, который мог приказать мне сесть, остаться, выйти, замолчать и стать его невестой до Совета, теперь

спрашивал разрешение прикоснуться к моей руке.

Опасный контраст.

Очень опасный.

Я медленно протянула ладонь.

— Можно.

Он взял мою руку осторожно.

Его пальцы были тёплыми. Странно. Я ожидала холода. От северного князя, проклятой печати, серых глаз и всей этой мрачной эстетики Вейрхольма. Но кожа у него была тёплой, ладонь сильной, и это простое человеческое тепло почему-то сбило меня сильнее, чем магия.

Дарен наклонился над кольцом. Не надо мной. Но расстояние всё равно стало слишком маленьким. Я чувствовала запах дыма и снега, слышала его ровное дыхание, видела тонкий шрам у основания большого пальца на его левой руке. Обычная деталь. Нечаянная. И от этого он на секунду перестал быть только князем из страшных слухов.

Кольцо вспыхнуло синей искрой.

Дарен нахмурился.

— Что?

— Оно признало не только доставку.

— А что ещё?

Он не отпустил мою руку сразу.

— Дом.

— В смысле?

— Обычно брачная печать южного договора гаснет после

передачи. Она не должна отвечать внутри Вейрхольма. Тем более на вас.

— То есть даже кольцо нарушает правила?

— Похоже, вы заразительны.

— Я предпочитаю слово «впечатляющая».

Он поднял глаза.

И вот тут романтика, которую я изо всех сил не собиралась пускать в комнату, всё равно просочилась через щель.

Потому что он смотрел не холодно.

Не мягко, нет. Дарен Вейр явно не был человеком, который внезапно становится мягким из-за случайной компаньонки в чужом платье. Но в его взгляде появилось живое любопытство. Острое. Тревожное. Такое, которым можно порезаться, если принять за симпатию слишком рано.

Он отпустил мою руку.

Я сразу почувствовала отсутствие его тепла.

И, разумеется, разозлилась на себя за это.

— На ужине, — сказал он, отходя к камину, — вы будете сидеть справа от меня.

— Это важно?

— Да. Слева сидит глава дома или признанная супруга. Справа — невеста, союзник или заложник с хорошими манерами.

— Как универсально.

— Вам подойдёт.

— Как невесте, союзнику или заложнику?

— Посмотрим, как пройдёт ужин.

Я закрыла глаза на секунду.

— Что от меня требуется?

— Молчать, если не спрашивают.

— Сложно.

— Отвечать правдой, если спрашивают.

— Ещё сложнее.

— Не провоцировать лорда Мердена.

— Это тот приятный?

— Да.

— Он неприятный.

— Тем более.

— А Торн?

— Слушайте его внимательно. Он знает закон лучше всех в крепости и любит, когда люди забывают, что закон тоже оружие.

— Сельма?

— Если Сельма скажет вам бежать — бегите.

Я посмотрела на него.

— Она скажет?

— Надеюсь, нет.

— У вас удивительно пугающий стиль инструктажа.

— Я стараюсь быть полезным.

— Это не всегда одно и то же.

Дарен чуть склонил голову.

— Замечание принято.

В дверь постучали.

— Князь, — раздался голос Ровена, — гости собраны.

Южане требуют присутствия своей представительницы.

Дарен посмотрел на меня.

— Готовы?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Те, кто считают себя готовыми к северному ужину, обычно ошибаются сильнее.

— Отлично. Значит, у меня преимущество.

Он подошёл к двери, но перед тем как открыть, остановился.

— Лиана.

Я уже почти привыкла к тому, как он произносит моё имя. Почти. Это опасное слово.

— Да?

— На людях я назову вас своей невестой. Это не обещание брака. Это щит.

— Щиты тоже могут стать клеткой.

— Могут.

— Вы это признаёте?

— Да.

— И всё равно?

— Пока за стенами есть те, кто хочет использовать вас как повод, клетка с открытой дверью лучше снега и волков.

— Дверь будет открытой?

Он посмотрел на меня внимательно.

— До Совета — нет. После — если мы доживём до правильного выбора.

Я не знала, что на это ответить.

Поэтому не ответила.

Ужин проходил в большом зале, куда меня провели через боковой проход. Кажется, Дарен специально выбрал этот маршрут, чтобы я не шла одна перед всеми с другого конца. Маленькая услуга. Или контроль. Пока я не решила.

Но когда мы вошли, все разговоры стихли.

Длинные столы уже были заполнены. Северяне сидели по правую сторону зала, люди Эйрдана — ниже, ближе к дверям, как временные гости, которым напомнили, что гостеприимство имеет пределы. Марта среди них не было. Я отметила это сразу.

На возвышении стоял главный стол. Дарен занял центральное место, и мне указали на кресло справа от него. Торн сел ниже по другую сторону, Мерден — чуть дальше, с тем самым выражением приятного ожидания, будто он пришёл не ужинать, а смотреть, как человек оступится на льду.

Я села.

Стул оказался тяжёлым, с высокой спинкой. Вырезанные на подлокотниках волчьи головы смотрели так, будто тоже сомневались в моей пригодности.

Дарен поднялся.

Зал замер окончательно.

— Дом Эйрдан доставил в Вейрхольм не ту невесту, что указана в договоре, — сказал он.

Я едва не подавилась воздухом.

Вот это называется «сохранить видимость»?

Люди за столами зашептались, но Дарен не повысил голоса. И всё равно тишина вернулась.

— Северная дорога приняла Лиану Морр. Брачная печать пропустила её к воротам. Старое право запрещает отдать носительницу печати без Совета, если дорога услышала правду. Поэтому до зимнего Совета Лиана Морр остаётся в Вейрхольме под моей защитой и будет признана моей невестой в рамках действующего договора.

Шёпот стал громче.

Один из людей Эйрдана вскочил.

— Князь, это недопустимо! Лорд Грегор никогда не согласится признать компаньонку...

Дарен повернул голову.

Просто повернул.

Мужчина сел.

Быстро.

— Лорд Грегор, — сказал Дарен, — сначала объяснит, почему его дочь не прибыла в Вейрхольм, почему её кольцо оказалось на руке компаньонки и почему его люди пытались скрыть подмену до входа в мой двор. После этого мы обсудим, что он согласится признавать.

Люди Эйрдана побледнели группой.

Северяне молчали, но в их молчании появилась не враждебность уже. Интерес. Острый, опасный, но не совсем чужой.

Мерден поднял бокал.

— За старое право, мой князь?

Дарен посмотрел на него.

— За правду, лорд Мерден. Она сегодня редкий гость.

Я подумала, что на этом можно выдохнуть.

Рано.

Мерден повернулся ко мне.

— Лиана Морр, раз вы теперь занимаете место невесты князя, позвольте спросить. Вы умеете вести дом? Знаете северные обычаи? Понимаете, что значит стоять рядом с Вейром на Совете?

Вот он. Первый нож, поданный под соусом вежливости.

Я могла сказать «нет» и подтвердить, что я никто.

Могла соврать и умереть от местной магической проверки где-нибудь между рыбой и пирогом.

Я выбрала третье.

— Нет, лорд Мерден. Не умею, не знаю и пока понимаю только то, что северные обычаи любят проверять человека быстрее, чем ему дают поесть.

Кто-то за нижним столом кашлянул.

Мерден улыбнулся.

— Смело признавать неподготовленность.

— Глупо было бы скрывать её в доме, где ложь, как мне уже объяснили, живёт недолго.

Дарен сидел неподвижно, но я почувствовала его внимание.

Мерден наклонил голову.

— Значит, вы рассчитываете быстро учиться?

— Нет.

— Нет?

— Я рассчитываю задавать вопросы, ошибаться, получать замечания, снова задавать вопросы и постепенно отличать обычай от ловушки. Если это называется учёбой — тогда да.

Торн впервые посмотрел на меня не как на документ с неправильным именем.

— Вы считаете, что северные обычаи могут быть ловушками?

— Я сегодня узнала, что даже дорога может проверять невест. Простите, если мой уровень доверия к окружающему миру пока невысок.

Теперь тихий смехок прошёл уже по северной стороне зала.

Не громкий.

Но живой.

Дарен взял бокал.

— На этом вопросы к моей невесте за ужином закончены. Моя невеста.

Слова должны были раздражать.

Раздражали.

Но прозвучали так, что несколько взглядов сразу отвернулись от меня. Давление ослабло. Не исчезло, нет. Просто часть стрел, летевших в мою сторону, наткнулась на княжеский щит.

Клетку с открытой дверью.

Или с пока закрытой.

Ужин я почти не почувствовала. Еда была странной, сытной, северной, но не такой ужасной, как я боялась. Рыба, тёмный хлеб, тушёные коренья, мясо в густом соусе, ягоды. Я заставляла себя есть маленькими кусками, потому что руки всё ещё дрожали, а падать в обморок за столом после всех своих громких слов было бы обидно.

Дарен говорил мало. Отвечал Торну, коротко отдавал распоряжения Ровену, один раз остановил Мердена взглядом, когда тот снова попытался заговорить со мной. С каждым таким маленьким вмешательством я чувствовала себя не то защищённой, не то обязанной.

И то и другое не нравилось.

После ужина Сельма подошла ко мне у выхода из зала.

— Я провожу вас.

— А князь?

— У князя дела.

Я невольно оглянулась.

Дарен стоял у стола, разговаривая с Торном. Рукава его рубашки снова были опущены, перчаток не было, но правую

руку он держал так, что печать почти скрывалась от чужих глаз. И всё равно люди обходили его с той осторожностью, которую нельзя объяснить только уважением к власти.

Они боялись не Дарена.

Точнее, не только Дарена.

Они боялись того, что жило на его коже.

Когда мы шли обратно по коридору, навстречу попались две служанки. Увидев нас, они поклонились. Потом одна заметила движение у дальней двери — Дарен вышел из зала за нами, видимо, направляясь в другой проход. Его рукав чуть приподнялся, тёмные линии на запястье вспыхнули в свете факела.

Обе девушки одновременно опустили головы ниже.

Не как перед князем.

Как перед бедой, которую нельзя встречать взглядом.

Один из стражников у стены тоже отвёл глаза.

Сельма сделала вид, что ничего не заметила.

Дарен заметил.

Я — тоже.

Он остановился в конце коридора.

На мгновение наши взгляды встретились.

Теперь я увидела то, что ускользало за его холодом весь вечер: не обиду. Нет. Дарен Вейр не позволял себе такой простой роскоши. Скорее привычку к тому, что люди отворачиваются раньше, чем успевают увидеть его самого.

Я вдруг вспомнила, как Виола в чужой памяти смеялась:

«Скажут выйти за чудовище — поклонись и спросишь, какой фатой прикрыть шею».

Чудовище.

Слово, удобное для тех, кто не хочет разбираться.

Дарен прошёл мимо.

Не остановился.

Не сказал ни слова.

Но когда он поравнялся со мной, печать на его руке вспыхнула снова — слабым, глубоким светом. Не угрожающим. Скорее ответным. Будто камни Вейрхольма и эта тёмная метка всё ещё слушали то, что я не произнесла вслух.

Я невольно задержала дыхание.

Дарен чуть повернул голову.

— Вам говорили не смотреть на неё, — сказал он тихо.

— Говорили.

— И?

Я посмотрела прямо на тёмные линии.

Потом на него.

— Я уже выбирала сегодня, какие советы портят мне жизнь меньше.

В его глазах мелькнуло что-то непонятное.

— Осторожнее, Лиана Морр, — произнёс он. — Иногда печать отвечает тем, кто смотрит слишком долго.

— А иногда, — сказала я, прежде чем успела испугаться собственных слов, — люди отворачиваются слишком быстро.

Сельма замерла рядом.

Стражник у стены перестал дышать.

Дарен смотрел на меня так, будто я только что открыла дверь, о существовании которой никто не должен был знать.

— Доброй ночи, моя временная невеста, — сказал он наконец.

— Доброй ночи, князь, которому нельзя лгать.

Он ушёл.

А я осталась в коридоре с ощущением, что сделка, которую мы заключили до Совета, уже начала превращаться во что-то куда опаснее временной защиты.

Потому что печать на руке Дарена Вейра больше не просто пугала меня.

Она звала.

И, что было хуже всего, какая-то часть меня хотела понять — куда.

Невеста без рода

Утро началось с того, что за моей дверью кто-то шепнул:
— Самозванка проснулась?

Я не проснулась.

Я уже полчаса лежала с открытыми глазами, смотрела на тяжёлый балдахин над кроватью и пыталась убедить себя, что если не двигаться, день, возможно, передумает начинаться.

День не передумал.

За дверью тихо ответил второй голос:

— Тише. Сельма услышит.

— Сельма не запрещала говорить правду.

— Зато князь запретил приближаться к восточным покоям без приказа.

— Князь вчера назвал её невестой. Это ещё не значит, что она ею стала.

— Дорога приняла.

— Дорога не выбирает жён.

Прекрасно.

Вейрхольм, как выяснилось, умел не только гудеть под ногами, отвечать печатям и смотреть на людей каменными стенами. Он ещё умел сплетничать на рассвете с таким усердием, будто от этого зависела оборона северных границ.

Я медленно села.

Платье, в котором я спала, было не тем, что на ужине, а простым шерстяным, выданным Ингой. Волосы за ночь выбились из косы, плечи ныли после кареты, голова всё ещё казалась чужой и слишком полной. Чужие воспоминания Лианы лежали внутри неровными кусками: лицо Виолы у зеркала, тяжёлый перстень лорда Грегора, голос Марты, северная дорога, трещина, Дарен у входа в крепость.

И его рука.

Тёмная печать.

Слабый свет, вспыхнувший, когда я посмотрела не как все.

Я сжала пальцы, прогоняя это воспоминание.

Нет. Сначала нужно было выжить. Разбираться с опасным притяжением к проклятой метке северного князя — роскошь для женщин, у которых есть хотя бы два запасных плана и одна нормальная пара обуви.

У меня не было ни того, н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.